

Шпанов Николай Николаевич

Дело Ансена

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Шпанов Николай Николаевич

Дело Ансена / Шпанов Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2011. – 102 с.

ISBN 978-5-458-04147-8

Николай Николаевич Шпанов - русский советский писатель, сценарист. Печататься начал с 1926 г. Был редактором журналов «Вестник воздушного флота», «Самолёт» и др. Член Союза Советских писателей с 1939 г., Николай Шпанов — автор свыше тридцати книг, из которых были наиболее известны «Первый удар», «Поджигатели», «Война невидимок», "Ученик чародея". Писатель также создал первый в советской литературе образ сыщика — сквозного героя нескольких произведений — Нила Кручинина («Похождения Нила Кручинина»)

ISBN 978-5-458-04147-8

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Шпанов Николай
Николаевич
Дело Ансена

ШПАНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

ДЕЛО АНСЕНА

Проводник и дорога

Кручинин и Грачик совершали путешествие через горы, мощный кряж которых рассекает один из северных полуостровов Европы.

Грачик, человек молодой, к тому же уроженец горной страны, шел легко. Но Кручинину было не так просто в одни сутки стать альпинистом.

Сверкающая поверхность фирнов удесятряла и без того ослепительное сияние весеннего солнца. Одного этого сияния, казалось Кручинину, достаточно, чтобы утомить непривычного человека. Но на деле угнетающее сверкание сверху, снизу, со всех сторон было лишь незначительным обстоятельством, по-видимому вовсе и не замечаемым спутниками Кручинина.

В течение первого дня пути, Кручинин не переставал про себя удивляться чувству неуверенности, какое овладевало им едва ли не всякий раз, когда он ступал в этих горах на поверхность снега или льда. Он, кажется, никогда не был трусом. А состояние, в котором он сейчас находился, было недалеко от страха. Да, именно от страха! Как иначе можно назвать то, что он испытывал, ступая на снежный покров вблизи перевала? Ему казалось, что этот покров зыбок и непрочен, что он скрывает под собою предательские пропасти и трещины. Разве не достаточно веса его собственного, кручининского тела, чтобы продавить тонкий покров и...

Право, странно! Звонкий хруст снега под ногами или под лыжами всегда бодряще действовал на него дома. А здесь этот же звук вдруг оказался такой нагрузкой для нервов, что они не выходили из состояния напряжения.

Снежные вершины гор светились розовой прозрачностью филигранных корон. Все было величественно, холодно-сурово. Но, оказывается, при ближайшем знакомстве горы таили в себе неожиданные для путника-новичка трудности. Кручинин уже не испытывал прежнего гордого ощущения собственной силы, обычно рождающегося у него при взгляде на далекий горный пейзаж.

Временами, когда путь становился особенно трудным, Кручинину казалось, что сил у него осталось всего на несколько шагов. Вот он делает их и должен будет, к своему стыду, опуститься на землю и признать себя побежденным.

Но он собирал силы и давал себе слово сделать еще несколько шагов. Не дать бы спутникам ничего заметить, прежде чем он не минует вон ту скалу или вон тот провал! Стыд за свою слабость гнал

его. Самый обыкновенный стыд перед спутниками.

Страх, испытываемый перед снегом, неуверенность в том, что удастся добраться до следующего бивака, желание броситься наземь и не двигаться - все это представлялось ему плодом отвратительной физической слабости. Такая неполноценность - а иначе он это назвать не мог - появилась в результате сидячей жизни. Вместо лыж, вместо тенниса, велосипеда, охоты - смешные потуги поддержать свои силы, подвижность, выносливость, размахивая по утрам руками и поднимая с пола рассыпанные спички?! Старушечьи, тепличные пустяки! Просто удивительно, как быстро человек размагничивается, как стремительно дрябнут мышцы, дряхлеет тело, стоит лишь забыть о его потребности в воздухе, в движении! И вот расплата: страх перед трещинами, страх перед снегом, перед подъемами, боль в спине, ноющие ноги, слезящиеся глаза... Стыд, стыд, стыд!

Кручинин решил взять себя в руки. Добравшись до очередной ночевки, он не позволил Грачику притронуться к своему рюкзаку и вместе с другими принялся за устройство ночлега. Никто не видел, как он стиснул зубы, распрямляя наконец спину в спальном мешке.

С первых же шагов второго дня пути Кручинин был уверен, что его уже ничем не возьмешь. Он испытывал наслаждение оттого, что сам подкинул на спину свой мешок и застегнул ремни, что ему не понадобилась помощь для преодоления трещины, перегородившей дорогу на первом же километре. Он еще и сам протянул палку Грачику, замыкавшему шествие.

Сегодня Кручинин шел, не отставая от остальных, хотя ноги у него болели вдвое больше, чем вчера, и рюкзак казался втрое тяжелее. Особенно трудно приходилось на крутых спусках. Подкованные шипами горные ботинки скользили вместе с осыпающимися камнями. Он спокойно проехал несколько десятков метров на спине вместе с массой выветренного шифера. Если бы не тяжелый рюкзак, никто бы и не заметил, как трудно ему было подняться на ноги...

Целью путешествия наших друзей был глухой прибрежный приход. Большую часть года он не имел других путей сообщения со страной, кроме троп, идущих через горы.

На подготовку к этому походу Кручинину было дано двадцать четыре часа. Все время ушло на ознакомление с материалами, характеризующими обстановку, в которой предстояло побывать. Военные действия закончились, страна была освобождена от нацистов, и Советская Армия отвела свои части. Несмотря на дружеское от-

ношение населения к советским людям, можно было ждать сюрпризов от прячущейся по щелям агентуры гитлеровцев и от квислинговских последышей.

Выбор снаряжения для похода оказался совсем не простым делом. Как ни странно, но годы войны в горной местности далекого Севера не заставили наших интендантов задуматься над вопросами одежды и снаряжения. По-видимому, считалось, что сапог, в котором русский солдат 1814 года дошел до Парижа, вполне пригоден и в наши дни, и в данной обстановке. Кабинетные деятели полагали: рубаха и штаны всегда остаются рубахой и штанами. Это предметы воинского гардероба, предназначенные укрывать наготу тела выше и ниже пояса, будь то под палящим солнцем Средней Азии или на границе Арктики. О специальных же предметах горного, лыжного или иного снаряжения интенданты, к которым пришел Грачик, просто никогда не слышали. Они не дали себе труда хотя бы скопировать что-либо у тех, кто занимался этим делом до них. Снабженцы могли предложить путникам комплекты обмундирования, старательно расписанные по номерам от "Формы No 1" до "Формы No 8", но ледорубы и темные очки, не говоря уже о рюкзаках и горной обуви, пришлось наспех покупать в городских лавочках.

Друзья шли третий день, они приближались к цели. Вероятно, это было его воображением, но Кручинин мог поклясться, что чует запах моря, которого еще не было видно, и слышит шорох прибоя. Быть может, только отбрасываемое далеким морем сияние заката стало алее и ярче, чем вчера и позавчера. Вот и все. Но всякий, кому доводилось сильно уставать в дальней дороге, знает, с какой жадностью ловятся любые приметы конца пути. Хочется, чтобы каждая из них означала освобождение от тяжелой ноши на спине, от тяжелых сапог, от отяжелевшей палки и даже от шапки, тяжелеющей с каждым шагом так, словно она наливается свинцом.

Кручинин мысленно подтрунивал над самим собой и заставлял себя смотреть под ноги, чтобы не искать на горизонте обнадеживающих примет конца пути. Тем более что хорошо понимал: конца еще не видно, до него далеко.

К удивлению спутников, когда спуски не требовали такого напряжения сил, как подъемы, Кручинин пробовал даже насвистывать что-то веселое. Впрочем, удивлялся этому, пожалуй, один только Грачик. Второй спутник делал вид, что в этом нет ничего удивительного. Не поворачивая головы, он продолжал с постоянством и равномерностью робота переставлять ноги, чуть-чуть ссутулив плечи под тяжестью рюкзака, возвышавшегося на его загорбке подобно

зеленой горе из ремней и брезента.

Этим вторым был Оле Ансен.

Проводник Оле Ансен был высокий широкоплечий парень с открытым лицом и длинными, зачесанными назад прядями светлых волос. Лицо его так обветрило, что кожа казалась покрытой тонким слоем блестящего красного металла; глаза его, голубые, с чуть-чуть большей долей хитринки, чем нужно, чтобы внушать доверие, привыкли к яркому свету. Он не щурился даже тогда, когда снег под прямыми лучами солнца вскидывал вверх ослепительные каскады розовых, синих и лиловых искр, заставлявших Кручинина и Грачика загораживаться ладонями, словно в лицо им была вспышка вольтовой дуги.

Платье на Оле было просто, даже грубо, но словно создано специально для него лучшим мастером походного снаряжения. И даже огромные горные ботинки с непомерно толстой подошвой на шипах казались единственной обувью, какая ему пристала и в какой он, вероятно, так же свободно мог пуститься в пляс, как шагал по хрусткому фирну.

Кручинин не мог себе и представить этого детину иначе, нежели вышагивающим, чуть-чуть нагнув голову и сдвинув набекрень шапку, с высоким горбом рюкзака, как бы вросшим в его спину. Но стоило Оле сбросить этот горб и грубую куртку с оттопыренными карманами, как он становился стройным и гибким. Толстый свитер плотно облегал его могучую грудь и мускулистые бугры широких плеч. И это тоже было так органично и естественно для него, точно иначе он никогда не выглядел, да и не мог выглядеть.

Оле не был угрюм, но спутники не слышали от него ни одного лишнего слова. Он охотно отвечал на вопросы, но сам не задал ни одного, кроме тех, какие прямо относились к обстоятельствам пути. Он никому не навязывался с услугами, но без просьб оказывал помощь, стоило лишь ему заметить, что в ней нуждаются. И делал это со снисходительным достоинством сильного среди слабых, ни разу, однако, не подчеркнув своего превосходства.

В последнее утро пути Грачик проснулся, когда уже почти рассвело. Первое, что он увидел в сером сумраке, была фигура Оле. На красной коже его лица плясали едва заметные блики от пламени спиртовки, горевшей внутри глубокой кастрюли. Легкий порыв ветра донес до Грачика запах кофе. По тому, как пар поднимался над кастрюлей - не острой, стремительной струйкой из горлышка кофейника, а едва заметным расплывчатым облачком, - Грачик понял, что кофе еще не вскипел. Но едва он успел это подумать, как Оле при-

поднял крышку стоявшего в кастрюле кофейника и сосредоточенно уставился на него, чтобы не пропустить момент, когда вскипевшая жидкость захочет перелиться через край. Он выхватил кофейник из кастрюли со спиртовкой как раз в тот момент, когда кофе вспух бурлящей, пузырящейся шапкой - и еще секунда, перелился бы через край. Но крышка была уже захлопнута, кофейник поставлен в другую кастрюлю и накрыт брезентовой курткой. Над взвившимся острым синим язычком пламени Оле водрузил сковороду с большим куском маргарина. И опять-таки, едва маргарин растаял, уже готовы были куски тонко нарезанного хлеба. Через две-три минуты они зашипели.

Оле действовал как человек, уверенный в том, что за ним никто не наблюдает: его движения оставались, как всегда, непринужденными, свободными, но очень точными.

Грачик с интересом глядел, как во всех своих хозяйственных манипуляциях Оле ловко действует ложкой: ею он отмеривал и мешал кофе, накладывал маргарин, переворачивал гренки, подхватывал под донышко горячий кофейник и даже загораживал пламя спиртовки от ветра. Ложка была в его руках поистине универсальным орудием - большая, загибистая, с толстым, в два пальца, черенком. Отлитая для себя каким-то прозорливым нацистом, она, наверно, показалась ему слишком обременительной, когда пришлось драпать из этой страны. Оле нашел ее в горах на пути отступления гитлеровцев. Это был его трофей. Он считал его единственно полезным из всего, что побросали немцы на пути своего бегства.

Когда над сковородкой поднялся аромат зажаривающегося хлеба, Оле проговорил:

- Он так и будет спать?.. Спирта осталось только на обед.

При этом он движением крепкого подбородка указал на спящего Кручинина. Но именно тут клапан спального мешка, закрывавший лицо Кручинина, откинулся, и тот весело воскликнул:

- Чтобы я презевал кофе? Ну нет, такого еще не бывало!

Через девять минут кофейник был опустошен, последний кусок поджаренного хлеба, умело подсунутый Кручинину, съеден, а последняя галета вкусно похрустывала на крепких зубах Оле.

Кручинин отошел на несколько шагов от бивака и огляделся. Сегодня, в косых лучах низкого солнца, бесконечная панорама гор выглядела еще более сурово. Их западные склоны были почти черными и уходили подножиями в бездонные пропасти. Далеко внизу, там, где уже не было снега и кончалась нежная зелень альпийских лугов, пейзаж утрачивал свою неприветливость. Присутствие леса

создавало иллюзию теплоты и, может быть, даже населенности, хотя, насколько хватал глаз, не было видно ни жилья, ни хотя бы струйки дыма. Но сегодня даже вся эта суровость и нерушимая тишина безлюдья уже не только не угнетали Кручинина, а казались ему почти привычными и обязательными атрибутами путешествия. На какой-то миг ему стало даже немного жаль того, что скоро этому путешествию конец.

Оле почистил сковороду, выплеснул гущу из кофейника. Путники собрались и тронулись дальше. Начинался спуск к западному подножию хребта, навстречу морю.

Как скрещиваются пути

Однако, прежде чем продолжать повествование, необходимо ближе познакомить читателя с тем, кто такие Кручинин и Грачик, рассказать, как сошлись пути их жизни и дружбы, приведшие обоих в эту чужую страну. Первое, что следует сказать: Грачик - вовсе не фамилия Сурена Тиграновича. В паспорте у него совершенно ясно написано "Грачьян". Это и правильно. Но в те времена, когда С. Т. Грачьян бегал еще в коротких штанишках, он однажды принес домой подбитого кем-то птенца-грачонка, вылечил его и вырастил. Юный друг птиц был смугл, вертляв и так же доверчиво глядел на людей черными бусинками глаз, как его пернатый питомец. Вероятно, поэтому к мальчику легко и пристало как-то брошенное матерью ласковое "Грачик". В семье его стали так называть. Сначала в шутку, потом привыкли. Прозвище осталось за ним в школе, а в университет юноша так и ушел Грачиком. Быть может, некоторым бюстителям официальности это покажется нарушением порядка, но уютное прозвище оказалось в такой степени подходящим к веселому нраву доброго и деятельного молодого человека, что со временем кличка стала как бы вторым - дружеским и интимным - именем товарища Грачьяна.

Знакомство Кручинина и Грачика произошло в одном из санаториев, примечательном только тем, что он расположен в весьма живописной местности, на берегу широкой, вольной реки. Сурен Тигранович Грачьян увидел Нила Платоновича Кручинина посреди залитого солнечным светом лужка - там, куда не доставали тени березок. Кручинин, прищурившись, глядел на стоящий перед ним мольберт. Время от времени он делал несколько мазков, отходил, склонив голову, и, прицелившись прищуренным глазом, снова прикасался кистью к холсту - словно наносил укол. Опять отходил и, прищурившись, глядел на сделанное.

Грачику понравился этот человек, одинаково благожелательно,

но без малейшего оттенка навязчивости относившийся к окружающим. Старые и молодые, стоявшие на самых различных ступенях служебной лестницы, - все встречали в нем одинаково приветливого собеседника и внимательного слушателя. Кстати говоря, Грачик очень скоро отметил еще одно нечастое в нашем быту качество Кручинина: он удивительно умел слушать людей. Никогда его лицо не отражало досады или нетерпения, как бы скучен и до очевидно-сти неинтересен ни был ему рассказ.

Ни костюм, ни манеры Кручинина, ни его разговоры не позволяли определить его профессию или общественное положение. Это мог быть и врач, и инженер, и ученый - представитель любой интеллигентней профессии и любого вида искусства. Исключалась разве только профессия актера: лицо Кручинина обрамляла мягкая борода; аккуратно подстриженные усы скрывали верхнюю губу.

Была во внешности Кручинина одна особенность, мимо которой не мог пройти внимательный наблюдатель: его руки - сильные, но с узкой гладкой кистью и длинными тонкими пальцами. Его руки были, пожалуй, самыми красивыми, какие когда-либо доводилось видеть Грачику. Вероятно, именно такими руками должен был обладать тонкий ваятель или вдохновенный музыкант. И именно такие чуткие, длинные, словно живущие самостоятельной одухотворенной жизнью пальцы должны были наносить на нотные строки нервные мелодии Скрябина.

Основательно или нет, но Грачик считал музыку самым рафинированным видом искусства. А в музыке для него не было ничего рафинированней скрябинского наследия.

Кручинин не принадлежал к числу тех, кто встречает людей только по наружности. Тем не менее изучение внешности всегда имело существенное влияние на его отношение к собеседнику. По мнению Кручинина, пословица "по одежке встречают..." совершенно незаслуженно применяется с оттенком некоторой обиды или пренебрежения к людям якобы поверхностным, не умеющим ценить душевных качеств ближних. "Одежда, - говорил Кручинин, - довольно верный выразитель внутреннего мира человека. Во всяком случае более надежный, нежели паспорт или служебное удостоверение".

Позже Грачик узнал, что с самого момента своего приезда в санаторий стал предметом внимания Кручинина. Нил Платонович был большим человеколюбом. Появление на горизонте всякой новой фигуры интересовало его.

Итак, появившись на полянке перед Кручининым, Грачик не мог знать, что тот уже составил себе о нем некоторое представление. И,

надо сказать, довольно верное. Тем более что ярко выраженные внешние данные молодого человека облегчали задачу. После двух-трех дней наблюдения за понравившимся ему с первого взгляда молодым человеком Кручинин определил, что нервность и темпераментность, которыми дышала наружность Грачика, находились под вполне надежным замком воли и хорошего воспитания.

Когда Грачик перешел полянку, Кручинин встретил его прямым взглядом весело искрящихся глаз. Вместо приветствия добродушно спросил:

- Что скажете? - и указал кистью на свой этюд.

Грачик зашел ему за спину и взглянул на холст, ожидая увидеть березки, перед которыми стоял мольберт. Но, к его удивлению, там было изображено нечто совсем иное: церковь, заброшенный погост с покосившимися крестами.

Вокруг Грачика сияла радость ясного солнечного утра, а пейзаж на холсте был освещен розовато-сиреновой грустью заката.

- Разве не удобнее писать с натуры? - удивленно спросил Сурен.

- Прежде я так и делал, - сказал Кручинин, - когда зарабатывал этим хлеб.

- А теперь?

- Теперь это - тренировка глаза. Вот скажите: верно схвачено вечернее освещение? Я был там только раз и всего минут десять. Нарочно не хожу больше, пока не закончу. Как с освещением, а?.. В остальном-то я уверен, - небрежно добавил Кручинин.

- В чем вы уверены? - не понял Грачик.

- В деталях: церквушка и... вообще все это, - Кручинин широким движением как бы очертил изображение погоста.

Место, воспроизведенное на холсте, было знакомо Грачику. Он любил бывать там именно вечерами и был уверен, что хорошо представляет себе и старенькую церковь и окружающий ее характерный пейзаж. И Грачику показалось, что, несмотря на уверенность, Кручинин передал все это на полотне не совсем верно. Был выписан ряд деталей, которых там в действительности не было. Вот, например, могильные кресты: они вовсе не стояли так - вразброд, в "фантастическом" беспорядке, будто нарочно выдуманном художником. И вон та покосившаяся живописная скамеечка слева от кладбища тоже не покосилась, как у художника, - Грачик не раз сиживал на ней, любуясь закатом и, право, никогда не замечал такой "художественной" кривизны. Не видел там Грачик и остатков ветхой изгороди в углу, у обрыва. Ей-ей, Кручинин немало нафан-